
А.М. Илюкович

1987

Иосиф Бродский

(р. 1940)

*Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной.
Только с горем я чувствую солидарность.
Но пока мне рот не забил глиной,
из него раздаваться будет лишь благодарность.*

И. Бродский

Эти строки написаны Иосифом Бродским в мае 1980 года, в день своего сорокалетия. К тому времени он уже восемь лет прожил на чужбине, успел стать автором нескольких стихотворных сборников и получить мировое признание как поэт. Перенес два инфаркта и последовавшие за ними операции на открытом сердце.

За рубежом Бродский оказался не по собственному почину, поэт позже замечал, что «пересадка на чужую почву была вынужденной и тяжелой». В Ленинграде остались отец с матерью, друзья по поэтическим трудам, всё, с чем вырос и жил.

Иосиф рос единственным ребенком у родителей. Отец его был скромным советским служащим — работал фотокорреспондентом ленинградского журнала «Балтийский флот». Едва мальчику исполнился год, началась война, а вскоре и блокада. Во время бомбежек мать уносила сына в убежище в бельевой корзине. После войны семья жила в коммуналке, в «полуторакомнатной квартире». Жизнь была трудной, мрак сталинщины снова загустел, страх вползал в душу каждого. Но мальчик как-то сумел обособиться от этой отравленной общественной атмосферы, уйти в мир литературы. После он вспоминал: «Книги держали нас в своей абсолютной власти. Диккенс был более реален, чем Сталин или Берия». Уже тогда он интуитивно начал реализовывать правила поведения, сформулированные через много лет в Нобелевской речи:

«Независимо от того, является человек писателем или читателем, задача его состоит прежде всего в том, чтобы прожить свою собственную, а не навязанную или предписанную извне, даже самым благородным образом выглядящую жизнь. Ибо она у каждого из нас только одна».

В пятнадцать лет, после окончания семилетки Бродский оставляет школу рабочей молодежи и начинает работать. На это было несколько причин: неудовлетворенность знаниями, которые могла дать школа, желание помочь родителям, стремление поближе узнать жизнь. Работал фрезеровщиком на заводе, смотрителем маяка, кочегаром в котельной, санитаром в морге, коллектором в геологических экспедициях в Якутии, на Беломорском побережье, на Тянь-Шане и в Казахстане.

Тогда же юноша начинает все интенсивнее заниматься самообразованием. Самостоятельно изучает английский язык, а позже — польский и немного сербохорватский. Жадно знакомится с мировой культурой, особенно поэтической, пишет и сам, трудится как переводчик. С 18–19 лет много выступает публично — главным образом в студенческих аудиториях, с неизменным и полным успехом.

В 1960 году Бродский сближается с группой замечательных ленинградских поэтов — Дмитрием Бобышевым, Анатолием Найманом и Евгением Рейном. Последнего он считает своим учителем. Найман, исполнявший обязанности литературного секретаря Анны Андреевны Ахматовой, познакомил его с ней. Она относилась к Бродскому с восхищением и нежностью, посвятила ему пронзительное четверостишие:

О своем я уже не заплачу,
Но не видеть бы мне на земле
Золотое клеймо неудачи
На еще безмятежном челе.

Большие надежды на Бродского-поэта возлагала вдова его кумира Надежда Яковлевна Мандельштам. И были все основания полагать, что их предсказания сбудутся.

Яков Гордин, хорошо знавший Бродского, вспоминает:

«Определяющей чертой Иосифа в те времена была совершенная естественность, органичность поведения. Смею утверждать, что он был самым свободным человеком среди нас — небольшого круга людей, связанных дружески и общественно,— людей далеко не рабской психологии. Ему был труден даже скромный бытовой конформизм... Он никогда не стремился к духовному вождизму, но возможности и место свое понял достаточно рано».

Талантливость, человеческий и профессиональный нонконформизм, признание в кругах, причастных к истинной, не официозной культуре, — вот, по-видимому, основные «грехи», которых ему не могли простить люди власти и которые привели молодого поэта на скамью подсудимых.

Канва этих событий сводится к следующему.

В мае 1961 года появился Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни».

В следующем году Бродского, тогда не числящегося при какой-либо работе, вызывают в милицию и предупреждают об ответственности за тунеядство. Через год — еще один вызов.

В 1963 году произошли встречи Хрущева с интеллигенцией, на которых Интеллигенции было однозначно указано ее место. В этой ситуации ленинградские власти решили проявить рвение. Исполнители-добровольцы нашлись сразу же, первой жертвой был выбран Бродский. 29 ноября в газете «Вечерний Ленинград» появился фельетон о нем, полный лжи и пакости. Назывался он «Окололитературный трутень». В феврале 1964 года Бродского схватили на улице, а через месяц судилище вынесло постановление: «Сослать Бродского в отдаленные места сроком на 5 лет с применением обязательного труда».

Однако уважающие себя люди, знакомые с этими событиями, не могли смириться с таким их поворотом. Писательница Фрида Абрамовна Вигдорова приехала из Москвы в Ленинград по командировке от «Литературной газеты» и сумела сделать запись обоих заседаний суда, на которых слушалось дело Бродского. Эти записи, будучи вскоре распространены по нашей стране и переведены на многие европейские языки, привели мировую литературную общественность в состояние шока. С протестом, в частности, выступил Жан Поль Сартр. И Бродский, после суда доставленный по этапу в глухую деревню Норинское Архангельской области, через полтора года был освобожден от наказания с мотивировкой, что приговор был излишне суров и следует ограничиться отбытым сроком.

Возвращение в Ленинград, однако, не изменило ситуацию вокруг поэта сколь-либо кардинально. Печататься не давали, мешали во всем. Уже будучи в США, Бродский заметил: «На моей родине гражданин может быть только рабом или врагом. Я не был ни тем, ни другим. Так как власти не знали, что делать с этой третьей категорией, они меня выслали».

Пережитая трагедия завершила формирование Бродского-поэта. Уже располагая к тому времени в своем активе целым рядом замечательных поэтических произведений, имея свою немалую аудиторию, он окончательно состоялся как поэт в первые годы своей высылки. Большую известность получило написанное в 1974 году стихотворение «На смерть Жукова». Вот его похоронный зачин:

Вижу колонны замерших внуков.
Гроб на лафете, лошади круп.
Ветер сюда не доносит мне звуков
русских военных плачущих труб.
Вижу в регалии убранный труп:
в смерть уезжает пламенный Жуков.

И далее:

Спи! У истории русской страницы
хватит для тех, кто в пехотном строю
смело входили в чужие столицы,
но возвращались в страхе в свою.

Когда пытаются охарактеризовать поэзию Бродского, то прежде всего отмечают ясность поэтических образов, музыкальность, страстность и энергию его стиха. Он — философский поэт классической школы. Может быть, многие его особенности как поэта можно пояснить, упомянув, что одним из любимых его авторов является Томас Элиот. Из «нобелевского» списка ему еще близок Эудженио Монтале.

А вообще-то он, выступая с Нобелевской речью, в качестве своих предшественников назвал Осипа Мандельштама, Марину Цветаеву, Роберта Фроста, Анну Ахматову и Уистана Одена. Иными словами, творчество Бродского развивается в традициях мировой литературы, учитывает весь накопленный ею опыт. При этом наиболее важные и характерные его черты проявляются именно в воспроизведении чужеродных культур. Поэт Евгений Рейн говорит:

«Я бы тут обратился к знаменитой речи Достоевского о Пушкине — там говорится именно о всемирной восприимчивости. И, как русский поэт, Бродский воспринял эту классическую традицию и довел этот интерес и восприимчивость до максимума. Он воспроизвел елизаветинский мир в “Большой элегии Джону Донну”, он воспроизвел римский мир в “Письмах к римскому другу”, есть у него эллинские вещи, есть попытки “петровщины”, напоминающие Кантемира. Именно эта способность закреплять некие узоры культур в чисто русских, формально совершенных, необыкновенно остроумно решенных и броских формулах, заключенных в строфическую и архитектурную форму, и создала платформу его поэзии».

Что еще можно сказать о Бродском и его поэзии? Наверное, то, что вошло в этот очерк, нужно воспринимать лишь как самое первое приближение к пояснению этого феномена. Для нас, жителей нынешней России, возможно, самое важное заключается в том, что именно Бродский придал современной русской поэзии общепризнанную мировую значимость.